

Чжоу Шэн изнывал от беспокойства, но показать виду не смел. Быстро приведя Чжу Цзылина в порядок, он чуть ли не силком вытолкал его в переднюю залу — навстречу лекарю.

Юноше пришлось на время отложить в сторону свои сомнения и странные чувства. Первым делом, едва переступив порог, он заметил Жун Чжао, застывшего у окна с непроницаемым выражением лица. В облике князя не осталось и следа от недавнего мимолётного смятения; его холодный, глубокий взгляд был спокоен, словно в спальне ничего не произошло.

«Неужели мне всё это просто привиделось?»

Не успел Чжу Цзылин развить эту мысль, как его прервал Ван Сяньхэ.

— Это господин Лю, императорский лекарь. Он прибыл лишь за тем, чтобы проверить ваш пульс, Ванфэй, так что не стоит тревожиться, — управляющий поклонился. — Однако если вас что-то беспокоит, вы можете смело поведать об этом господину Лю.

Лекарь Лю, едва завидев хозяина покоев, благоразумно склонил голову. Только когда юноша сел, мужчина осмелился поднять глаза — и на мгновение оцепенел.

Он и раньше слышал толки об этом «мужчине-княгине», но не ожидал, что тот окажется столь пригож. Одной лишь красоты юноши хватило бы, чтобы затмить признанных столичных красавиц. К тому же, его лицо лучилось здоровьем. Редко когда встретишь такой свежий цвет кожи даже у знатных вельмож, что годами восстанавливают силы ласточкиными гнёздами и снежными лотосами.

Чжу Цзылин долго противился уговорам слуги, но раз уж врач пришёл, отнекиваться было поздно. Он молча протянул руку для осмотра.

Несмотря на то что Ванфэй выглядел воплощением жизненной силы, лекарь Лю помнил, с каким нажимом Жун Чжао говорил о его недугах. Он принялся за дело со всей тщательностью. Результат оказался предсказуемым: юноша был здоров, как бык. Ни тени хвори, ни капли истощения.

Однако именно это совершенство и насторожило специалиста. У обычного человека всегда найдётся хоть какой-то мелкий изъян, а тут — идеальный порядок во всех меридианах и органах. Из осторожности он попросил Чжу Цзылина сменить руку и потратил на повторный осмотр ещё добрую четверть часа.

Князь, наблюдая за этим, нахмурился. Если опытному императорскому лекарю потребовалось столько времени и вторая рука, неужели болезнь и впрямь затаилась глубоко внутри? Он хотел было вмешаться, но решил сдержаться, пока супруг рядом.

— Беспокоило ли Ванфэй что-нибудь в последнее время? — спросил лекарь Лю, не отрывая пальцев от запястья юноши.

— Совсем нет, я чувствую себя превосходно, — отозвался Чжу Цзылин.

— А как же бессонница по ночам? Или, быть может, дневная вялость и сонливость?

— Нет, — юноша на секунду замялся, но тут же добавил: — На самом деле днём я вовсе не спал. Просто в последнее время меня тянет поразмышлять о смысле бытия. Я закрываю глаза и погружаюсь в глубокую медитацию.

Присутствующие замерли в недоумении.

«Размышления о смысле бытия? Медитация?»

Что за чушь? Юноша хочет сказать, что он вовсе не почивал, а предавался философским думам?

Чжоу Шэн не поверил ни единому слову. Чтобы человек, обложившийся подушками и укрывшийся одеялом в самой расслабленной позе, занимался «интеллектуальным трудом»? Быть того не могло. Слуга уже готов был возразить, но Чжу Цзылин даже не взглянул на него — всё его внимание было приковано к Жун Чжао.

Как отреагирует князь, если узнает, что тот всё это время бодрствовал?

Юноша бросил эту фразу как бы невзначай, но сам внимательно следил за реакцией мужа через ментальное поле. И не прогадал: на мгновение на обычно бесстрастном лице мужчины промелькнула едва заметная тень замешательства.

«Попался!»

Чжу Цзылин широко распахнул глаза, надеясь подловить его на чём-то ещё, но князь мгновенно взял себя в руки. Холодная маска вернулась на место, и даже ментальное восприятие юноши не могло уловить ни крупинки лишних эмоций.

Какая выдержка! Теперь понятно, почему этот, казалось бы, бесперспективный принц сумел в прошлой жизни стать императором.

Услышав, что Чжу Цзылин, возможно, не спал, Жун Чжао и впрямь почувствовал укол совести. Сердце на миг пропустило удар. Но он тут же одёрнул себя: с чего бы ему оправдываться? Даже если юноша не спал, князь ведь не совершил ничего предосудительного — всего лишь хотел убрать прядь волос. Тут не из-за чего краснеть.

Усмирив внезапное волнение, Жун Чжао усомнился в словах супруга. Если уж Чжоу Шэн не верил в эти сказки про «раздумья», то он и подавно. Слишком уж безмятежным было дыхание юноши на кушетке.

Но зачем Чжу Цзылину так лгать? Чтобы скрыть болезнь? Вряд ли, ведь он добровольно дал осмотреть себя. Тогда... неужели он пытается его прощупать?

При этой мысли князь слегка прищурился, но голос его остался ровным:

— И о чём же таком важном размышлял Ванфэй?

Юноша, не ожидавший встречного вопроса, ляпнул первое, что пришло на ум:

— О том... когда же наконец привезут мой острый перец.

Лекарь Лю застыл в полнейшем замешательстве: «Какой ещё перец?»

Князь Ли лишь тяжело вздохнул.

— Неужели Ванфэй так сильно печётся об этой приправе? — В его голосе послышались нотки недовольства. Заморские экспедиции — дело долгое и опасное, ждать придётся не один месяц.

— Ну... не только об этом, — Чжу Цзылин почувствовал, что перегнул палку, и поспешил исправиться. — На самом деле у меня было предчувствие. Этот перец — красный и яркий, он должен принести удачу вашему роду и укрепить вашу судьбу. А вместе с ним найдутся батат и картофель — это станет великим благом для Вашего Высочества. Все эти дни я медитировал, чтобы призвать благословение на вашу голову.

Юноша вдохновенно врал, глядя на мужчину честными-пречестными глазами.

— И когда же Ванфэй успел постичь тайны физиогномики и геомантии? — Жун Чжао иронично приподнял бровь. Обычно обряды благословения требуют омовений, благовоний и строгой торжественности. Представить, что Чжу Цзылин занимался чем-то подобным, сладко сопя на кушетке, было выше его сил.

Хотя, зная причудливый нрав юноши, нельзя было исключать, что в его понимании молитва выглядит именно так...

Цзылин моргнул и с невозмутимым видом заявил:

— О, я смыслю в этом совсем немного — так, Небожитель во сне надоумил. Ваше Высочество,

вы должны мне верить.

В конце концов, если картофель и батат спасут страну от голода, это точно пойдёт Жун Чжао на пользу.

— О молитвах позаботятся монахи и даосы, — после недолгого молчания отозвался князь. — Ванфэй не стоит так утруждать себя впредь.

Затем он повернулся к лекарю Лю:

— Господин Лю, каков ваш вердикт?

Бедный врач слушал их перепалку, едва дыша. Из всего разговора он вычленил главное: Чжу Цзылин спит и видит, как бы принести удачу мужу, и ради этого готов молиться целыми днями.

«Надо же! Неужели Ванфэй влюблён в Ли-вана до такого самозабвения?»

Теперь понятно, почему князь, этот ледяной и нелюдимый человек, вдруг начал называть его «моя супруга». Похоже, искренняя забота юноши сумела растопить даже это каменное сердце! Лекарь Лю был поражён — этот брак, который все считали обречённым, на деле оказался союзом двух любящих сердец.

Вернувшись к своим обязанностям, императорский лекарь ещё раз проверил всё до мельчайших деталей и, наконец, подтвердил: Чжу Цзылин здоров с головы до пят! Даже кончики его волос были полны блеска и силы. Более того, его жизненная энергия была куда активнее, чем у обычного сверстника. Видимо, именно эта бурная деятельность организма и требовала столько еды и сна.

Лекарь убрал руки и почтительно поклонился обоим:

— Ваше Высочество, Ванфэй совершенно здоров. Его состояние — лучшее из всех, что мне доводилось видеть за долгие годы практики. Ему не нужно лечение, даже укрепляющие отвары будут лишними. Что до аппетита — юноша просто растёт, тревожиться не о чем.

Чжу Цзылин не удивился, но в душе его смешались радость и разочарование. Опытный специалист так и не смог понять, почему юноша вдруг начал пускать слюнки на «человечину» в лице собственного мужа.

Жун Чжао же недоверчиво хмыкнул:

— Неужели совсем без изъянов?

Учитывая, как с Цзылином обходились в родном доме, такая крепость тела казалась чудом.

— Истинная правда! Я перепроверил несколько раз — конституция Ванфэй на редкость крепка.

Князь хотел было спросить что-то ещё, но, взглянув на юношу, промолчал.

— Тело Ванфэй в полном порядке, — напоследок добавил лекарь Лю. — Достаточно лишь вовремя есть и отдыхать. Если же почувствуете недомогание — зовите меня без промедления.

Чжу Цзылин кивнул, но когда лекарь уже собрался уходить, в его голове мелькнула шальная мысль.

— Пойдите, у меня есть ещё один вопрос. Можно мне спросить вас кое о чём наедине?

Тот оторопел и бросил взгляд на Жун Чжао. Князь уже развернулся к супругу, явно заинтересованный.

— Я не против, — отозвался мужчина.

Чжу Цзылин обвёл присутствующих взглядом и, часто моргая, добавил:

— Я бы хотел поговорить с господином Лю без свидетелей. Можно?

Князь Ли замер. Брови лекаря поползли вверх от дурных предчувствий, а муж юноши лишь сильнее нахмурился. Но, видя упрямый блеск в глазах Чжу Цзылина, он сухо бросил:

— Я подожду снаружи.

Жун Чжао вышел, Ван Сяньхэ поспешил следом, прихватив с собой Чжоу Шэна. Лекарь Лю остался один на один с юношей, гадая, какую ужасную тайну тот собирается ему поведать.

Чжу Цзылин помедлил, а затем решился:

— Я хотел спросить... Если вдруг начинает казаться, что один конкретный человек выглядит очень... аппетитно? До такой степени, что хочется подойти и укусить. Или лизнуть. Причём чем ближе этот человек, тем сильнее желание. Лекарь, вы знаете, что это за болезнь?

— Что?! — Лекарь Лю едва не лишился чувств. — Кусаться?! Уж не бешенство ли это? Если так, то скоро начнутся судороги, пойдёт пена изо рта... Это верная смерть!

— Нет-нет, совсем не то! — Чжу Цзылин замахал руками. — Это не настоящий укус. Скорее... как будто зубы чешутся? — Он мучительно подбирал слова. — И это не на всех людей, а только на одного. Когда видишь его — накрывает, а на остальных — плевать.

Мужчина слушал, окончательно сбитый с толку.

— Ванфэй говорит о себе? И на кого же у вас такая реакция?

— Кхм... — Чжу Цзылину вдруг стало неловко признаваться, что его «добычей» стал князь. — Да нет же, я просто слышал о таком недуге. Раньше не встречал, вот и решил поинтересоваться.

Лекарь Лю нахмурился:

— О таком я тоже не слыхивал... Чтобы хворь выбирала одну жертву...

Вдруг он замолчал, поражённый догадкой. Если реакция идёт только на одного человека, значит, либо у того есть при себе нечто особенное, либо он имеет над «больным» огромное влияние.

«Желание погрызть, но не укусить по-настоящему...» — лекарь не помнил таких случаев в медицине. Но тут он зацепился за слово... «аппетитно». Юноша сказал, что человек кажется ему «соблазнительным», как изысканное блюдо.

И тут до опытного специалиста дошло. О боги! Да этот юноша просто вожделеет своего супруга!

Лю Тай-и почувствовал, как краска заливает его старое лицо.

Какая же это болезнь? Это чистейшей воды страсть! Неужели Ванфэй настолько наивен, что не понимает велений плоти? И как ему, лекарю, это объяснить?

С обычным человеком было бы проще, но перед ним — законный супруг Жун Чжао. Вести такие речи было крайне неловко. Мужчина смущённо взглянул на Чжу Цзылина и заметил, как тот отводит глаза.

«Ну конечно! Речь вовсе не о каком-то знакомом, а о нём самом!»

И на кого же он так заглядывается? Вспомнив, как юноша молился за Ли-вана, Лю Тай-и понял, что ответ очевиден. Кого ещё он мог желать, кроме своего мужа?

Вот только... Неужели они до сих пор не делили ложе? Иначе почему юноша принимает плотское влечение за болезнь?

— Так лекарь не знает причины? — прервал его раздумья Чжу Цзылин.

Лекарь Лю опомнился и, поколебавшись, ответил:

— Трудно сказать наверняка, но... Возможно, Его Высочество сумеет развеять ваши сомнения. Почему бы вам не спросить у него самого?

— А? — удивился юноша. — Если вы, мастер медицины, не знаете, с чего бы князю быть в курсе?

— Кхм, этот случай, скорее всего, не относится к медицине, потому я и бессилён. Его Высочество муж учёный, он наверняка поймёт суть дела. — Тот стоял с каменным лицом, старательно глядя в пол.

— Хм...

«В самом деле, — подумал Чжу Цзылин, — раз я пускаю слюнки именно на него, может, он и знает, в чём дело?»

Впрочем, юноша не собирался следовать совету. Он и так выставил всех за дверь, чтобы задать этот вопрос, и приплёл какого-то воображаемого знакомого. Как он теперь признается Жун Чжао?

Лекарь Лю, видя, что расспросы закончились, облегчённо вздохнул. Но стоило ему выйти, как он тут же попал на допрос к князю.

— С ним действительно всё в порядке? — Жун Чжао хмурился. — О чём он тебя спрашивал?

— Ваше Высочество, Ванфэй здоров как никогда. Поистине, редкостная крепость тела, вам не о чем беспокоиться. Что же до вопроса...

Лицо лекаря снова стало пунцовым.

— Смею заверить, вопрос Ванфэй не касался болезней плоти.

Мужчина удивился:

— Не болезней? Тогда о чём речь?

— О... — Лекарь Лю мучительно подбирал слова, не решаясь повторить всё в точности. — На мой взгляд, Ванфэй просто ещё очень юн и неопытен. Он принял... принял признаки своей глубокой привязанности к Вашему Высочеству за симптомы хвори.

«...»

В комнате повисла тишина. В глазах Жун Чжао отразилась целая буря эмоций. Он поджал губы, хотел что-то сказать, но сначала прочистил горло.

— На чём основаны ваши выводы? — Голос князя был суров, но в нём слышалось напряжение.
— О каких именно симптомах он говорил?

Лекарь Лю вздохнул. Под взглядом князя, который требовал полной ясности, ему не оставалось ничего другого, кроме как пересказать всё вкратце. Когда до Жун Чжао дошло, что Чжу Цзылин мечтает «кусать и лизать» его, губы мужчины плотно сжались.

Лекарь, видя, что Ли-ван сохраняет внешнее спокойствие, немного расслабился и осмелился добавить:

— Я не мог сказать ему прямо, но Ванфэй питает к вам поистине глубокие чувства. Не соизволит ли Ваше Высочество само разъяснить ему положение вещей?

«...»

Жун Чжао пригубил чай и медленно поставил чашку на стол.

— Я разберусь с этим. Супруг мой ещё неразумен, прошу господина Лю не принимать это близко к сердцу.

Императорский лекарь поспешно ответил:

— Ну что вы, пустяки. Такая гармония между супругами — редкий дар, вызывающий лишь добрую зависть.

Лицо князя едва заметно смягчилось.

— Господин Лю преувеличивает. Его поведение всё же неподобающе — даже если он питает ко мне нежные чувства, не стоит болтать об этом с посторонними.

«...»

Лекарь показалось, или князь Ли только что притворно пожурил супруга, а на деле похвастался его любовью?

— И всё же, лекарь Лю, вы уверены, что он здоров? Он кажется таким худым, может, стоит его подкормить? — Жун Чжао снова нахмурился.

— Скорее всего, Ванфэй просто растёт ввысь, оттого и худощав. Что до питания... лекарства ему ни к чему. Достаточно хорошей еды без всяких снадобий.

— Значит, пусть ест вволю? Когда же он наконец поправится?

— Этого я не могу знать. — Мужчина едва сдерживал дрожь. Он никак не мог привыкнуть, что грозный Ли-ван пытается выяснить у него такие бытовые мелочи. Тот Четвёртый принц, которого он знал в детстве, никогда не был таким! — Даже если Ванфэй выглядит худым, он отнюдь не слаб. Это его естественное состояние. Возможно, он и вовсе не склонен к полноте.

— Понятно, — кивнул Жун Чжао. — Благодарю за службу, господин Лю.

Ван Сяньхэ тут же шагнул вперёд и вручил врачу щедрую плату.

— Если кто-то спросит, по какому делу вы были во дворце... — начал князь.

Лекарь Лю мгновенно всё понял:

— Будьте покойны, Ваше Высочество. Ни единого слова о делах поместья не сорвётся с моих губ.

Жун Чжао помедлил, а затем кивнул управляющему:

— Проводи господина Лю.

Лекарь покинул поместье в княжеском экипаже. Едва он переступил порог академии, его тут же окружили коллеги.

— Господин Лю, вы целы? Зачем вас вызывал Ли-ван?

— Неужели сам князь занемог? Обычно из того поместья врачей не дождёшься, а тут такая спешка!

— Что там стряслось? Вы не сильно напуганы?

С самого утра в академии только и было разговоров, что об этом вызове. Слухи плодились один за другим, и теперь все жаждали узнать правду.

— Не ваше дело, господа вельможи, — отрезал лекарь Лю, надеясь поскорее уйти.

Но те не унимались:

— Позвольте, господин Лю! Это же поместье Ли-вана! Нам нужно знать, к чему готовиться, если завтра вызовут кого-то из нас.

— И то правда! Мы не просим вас гневить князя, просто скажите — кому нездоровится? Тяжело ли состояние? Это ведь всё равно попадёт в записи, скрывать нечего.

Понимая, что от него не отстанут, лекарь бросил через плечо:

— Я всего лишь проверял пульс Ванфэй. Ничего серьёзного.

— Ванфэй?

— Из-за простого осмотра такая спешка? Не верю!

— Уж не проклял ли его Ли-ван? Должно быть, случилось нечто ужасное!

— А может, князь просто избил его в порыве гнева?

— Господин Лю, что вы там увидели?!

Тот нахмурился, слушая их галдёж.

— Попридержите языки! С Ванфэй всё в полном порядке.

Но разве могли они поверить? В их глазах князь был кровавым чудовищем, и если он вызвал врача в такой спешке, значит, супруг его либо на пороге смерти от проклятия, либо искалечен до неузнаваемости.

— Господин Лю, да не скрывайте вы! В каком состоянии Ванфэй?

— Прошёл всего месяц со свадьбы — неужели ему уже конец?

— Его сгубила дурная аура князя или просто тяжёлая рука? Скажите нам правду!

Они пытались вытянуть из него подробности, но Лю Тай-и, видя, что истина им не нужна, просто замолчал.

Коллеги обменялись многозначительными взглядами. Для них всё стало ясно: раз лекарь хранит такое мрачное молчание, значит, травмы юноши ужасны. А Ли-ван, должно быть, пытается скрыть своё преступление!

В тот же вечер из стен императорской академии по всей столице разлетелась страшная весть: Ли-ван в припадке безумия избил молодую супругу так, что тот едва дышит.

<http://bllate.org/book/15829/1442296>